

В.В. Сорокина

**Роман Курбана Саида «Али и Нино»
в контексте военной прозы русской эмиграции первой волны**

Аннотация: В статье рассматриваются взаимосвязи русской эмигрантской литературы первой волны о войне с романом «Али и Нино» (1937) Курбан Саида. Основанием для анализа служит не только общность эмигрантской судьбы М. Агеева, Н.Н. Брешко-Брешковского, А. Толстого, Б. Зайцева, П. Краснова, М. Осоргина, М. Алданова и Курбана Саида, но и типологические схождения произведений. Опубликованный на немецком языке в Европе роман российского эмигранта о проблемах современного ему азербайджанского общества создан в русле классической традиции и соединяет в себе многие жанровые формы русского романа – любовный, авантюрный, философский, психологический и роман воспитания.

Ключевые слова: М. Агеев, Н.Н. Брешко-Брешковский, А. Толстой, Б. Зайцев, П. Краснов, М. Осоргин, М. Алданов, Курбан Саид, жанровые формы, традиция, военная проза, эмиграция первой волны.

Abstract: This article deals with the interconnections of the first wave russian emigré war literature with the novel «Ali and Nino» (1937) by Kurban Said. The reason of such the analyses lies not only in the common emigré destiny of M. Ageev, N. Breshkovsky, A. Tolstoy, B. Zajtzev, P. Krasnov, M. Osorgin, M. Aldanov and Kurban Said, but also in the typological community of their works. Published by the russian emigré in Europe in german language the novel on the Azerbaijan society was created in terms of the classical tradition and unites many genre forms of the russian prose – love, adventure, philosophical, psychological and educational novel.

Key words: M. Ageev, N. Breshkovsky, A. Tolstoy, B. Zajtzev, P. Krasnov, M. Osorgin, M. Aldanov, Kurban Said, genre forms, tradition, war prose, the first wave russian emigration

История создания, судьба и личность автора романа «Али и Нино» долгое время оставались неразрешенными загадками, что и обусловило место и значение этого произведения в современной европейской литературе. Многие из них не разгаданы и до сих пор. Одна из них – язык написания произведения. Доподлинно известны немецкий печатный вариант 1937 г. и более позд-

ние переводы – одновременно на азербайджанский (Мирзой Хазаром) и на русский (Севиндж Кязимовой) языки – в 1989 г., а с этим связан и вопрос национальной принадлежности произведения, включения его в определенный литературный контекст. Русское литературоведение до сих пор этой проблемы не касалось, а современные азербайджанские исследователи не решаются делать однозначных выводов на этот счет, хотя критическая литература о романе и его авторе обширна, а место его в современной литературе Азербайджана никем не оспаривается [1]. В одном из исследований по азербайджанской литературе (А. Фейзуллаевой) говорится: «Предположительно роман написан в начале века. И с целью его популяризации переведен на немецкий язык» [2]. И если это суждение довольно расплывчато, то другое, принадлежащее тому же автору, заслуживает большего внимания. По мнению исследовательницы, роман «Али и Нино» вошел в азербайджанскую литературу «через европейский контекст» [3]. Но какой именно? Ответ на этот вопрос помогут найти именно те загадки, которые уже разгаданы специалистами.

Одна из первых загадок – подлинное имя автора. Существует много версий на этот счет: в Азербайджане официально признано две. Одна из них представляется наиболее убедительной, и принадлежит она американскому журналисту Т. Рейсу, начавшему свое исследование в 1991 г. и завершившему его в 2005 г. публикацией книги «Расследование тайны странной и опасной жизни» [4].

Псевдоним Курбан Саид принадлежит родившемуся в Киеве, проведшему юношеские годы в Баку, эмигрировавшему в 1921 г. в Берлин, но в 1933 г. вынужденному переехать в Вену, а затем в Италию Лео Нусенбауму (1905–1941), сыну хозяина одного из крупнейших нефтеперерабатывающих заводов Баку.

Эти сведения позволяют искать литературный контекст прежде всего в русской литературе, с которой даже при нерешенности вопроса языка написания романа очевидна общая художественная преемственность, а более узкий контекст просматривается в связи «Али и Нино» с литературой эмиграции не только в силу схожести судьбы автора с судьбами других писателей, покинувших Россию в начале 1920-х гг., но и по тематическому, стилистическому и идеологическому единству.

Обращают на себя внимание и удивительные совпадения в истории публикации романа, в вопросах об авторстве, что, несомненно, должно было подогревать читательский интерес к нему. Загадочное появление рукописи в издательстве, затем легендарная ее пропажа – явления не редкие в эмигрантской литературной среде: достаточно вспомнить историю «Романа с кокаином» М. Агеева (Марка Лазаревича Леви). Курбан Саид явно не только знал эту историю, но и был знаком с самим романом – это очевидно проступает в «Али и Нино».

Основой сюжета является история взаимной счастливой любви грузинки Нино и мусульманина Али, живших в начале XX в. в Баку, но заканчивается эта история трагически гибелью героя, отдавшего жизнь за свободу своей родины. В отношении героев, как это часто бывает, безжалостно вторгается война, но именно благодаря этому роман из любовного превращается в идеологический, а местами и философский. По этой причине становится очевидным, что более тесные связи с русской эмигрантской литературой нужно искать в произведениях о войне, тем более что события, изображаемые в романах русских писателей и у Курбана Саида, перекликаются.

Среди нескольких сотен русских литературных произведений, вышедших за границы в 1920–1930-е гг., можно насчитать не более десятка книг, в которых так или иначе затрагивается тема войны. И все это на фоне огромного количества публицистических и документальных изданий, мемуаров, дневников, справочников, энциклопедий, занимающих лидирующие позиции в зарубежных издательствах. Очевидно, что события мировой войны получили довольно скромное художественное осмысление в литературе зарубежья – и в силу относительной близости события к современникам (они были или очевидцами военных действий, или их судеб война так или иначе коснулась), и по причине определенных затруднений, связанных с историческим значением этого события для судьбы России (в зарубежье и в Советской России поэтому больше произведений о Белом движении и гражданской войне, чем о мировой).

По сюжету романа «Али и Нино» большинство друзей Али уходят в Дикую дивизию, о которой пишет Н.Н. Брешко-Брешковский в «Дикой дивизии» (1930 г.), и отмечает именно те свойства кавказцев, которые привлекали российское правительство. Один из вооруженных охранников Али, гочу, предвкушая отправку на фронт, говорит: «Война – это хорошо. Я повидаю мир. Услышу свист ветра на Западе и увижу слезы в глазах врага. Верхом на коне и с переброшенной через плечо винтовкой я буду скакать с друзьями по завоеванным селам. Я привезу с собой много денег, и все будут восхищаться мною как героем» [5].

А в «Хождении по мукам» (1922 г.) А.Толстого в 25 главе рассказывается, как в начале зимы 1916 г. русские взяли турецкую крепость Эрзерум и продолжали наступление в Месопотамию, Армению, Азиатскую Турцию: «Над Германией, над всей Европой нависла древним ужасом туча азиатских полчищ» [6].

Разворачивание военных действий в двух направлениях – западном и южном – отразилось и на восприятии войны в Баку – городе между Европой и Азией. Двойственность положения города и неопределенный статус войны породили в героях романа разноречивые суждения о ней. Как только она вторглась в идиллический быт богатых семей города и стала угрожать самой возможности наслаждаться красотой и любовью – вынужденное возвраще-

ние из карабахского имения в Баку, – герой сразу попытался оградить себя от нее: «Но войны в стране не было, война была объявлена в России, до которой ни мне, ни Нино не было дела. Но даже и при таком раскладе я был вне себя от ярости – на войну, на старика Кипиани, который так торопился попасть домой, на гимназию святой Тамары, где девушек не учили правилам поведения, и больше всего на Нино, которая уехала, бросив все, пока я, позабыв о долге и достоинстве, думал, как быстрее добраться до нее» [7].

В отличие от своего слуги, мечтавшем скорее попасть на войну, и от друзей по гимназии, Ильяс-Бека и Мухаммеда Гейдара, которые все-таки испытывали необходимость выполнить свой долг и поступили в военное училище, хотя мусульмане в Российской империи были освобождены от военной службы, Али принимает решение не участвовать в *этой* войне, так как не считает эту страну своей. В споре с отцом, призывавшем его не позорить имя Ширванширов, Али заверяет его: «Нам еще долго придется воевать. Мой меч еще понадобится стране» [8]. А пока Али, как и герои «Романа с кокаином» (1930 г.) М. Агеева и «Золотой узор» (1926 г.) Б. Зайцева, был совершенно равнодушен к происходящему: «Меня не волновало, кто выиграет войну» [9].

В передаче ощущения войны героем до своего личного участия в ней Курбан Саид следует традиции тех русских романов, в которых нет изображения ни военных действий, ни военного быта – война является в них чем-то отвлеченным, далеким, но постоянно напоминающим о себе голодом, дискомфортом, наплывом раненых, разорением имений. В «Сивцевом Вражке» (1928 г.) М. Осоргина война приходит в особнячок профессора-орнитолога продовольственными карточками, искалеченным Обрубком Стольниковым, дезертиром Колчагиным, сделавшим впоследствии неплохую карьеру, мешочниками Васей Болтановским и Протасовым, выступлениями внучки Танюши ради пайка перед ранеными в лазарете. Однако благодаря проходящим где-то военным действиям в романе создается атмосфера некоего мирного уголка на Сивцевом Вражке, противостоящего всему злу на свете.

В схожей манере передается ощущение войны в романе Б. Зайцева «Золотой узор», написанном в форме воспоминаний певицы Наталии Николаевны, прошедшей через мобилизацию мужа и работу в лазарете. Однако на судьбы героев (в отличие от «Али и Нино» и «Сивцева вражка») здесь война не сильно повлияла. Как отмечает рассказчица: «Конечно, наша жизнь мало с войной переменялась. По-прежнему вставали поздно, сытно ели, вечером ждали газет и с тревожностью глядели на военные известия, но тревожения все эти пусты, праздны: кто куда продвинулся, кто сколько пленных взял – потом мы ужинали и ложились спать – с волнением или спокойно, это безразлично. Мне казалось, что душой я со своим народом, готова разделить его страдания и героизм. Да как-то вот не разделялось!» [10].

Мотив отчужденности от судеб страны звучит и в «Романе с кокаином» М. Агеева: «За две недели до начала выпускных экзаменов, в апреле, когда

война с Германием бушевала уже полтора с лишним года, все близко окружавшие меня гимназисты, а в том числе и я, потеряли к ней решительно всякий интерес» [11]. Вадим Масленников, герой «Романа с кокаином», как и Али, гимназист. Для них война отодвигалась на задний план мыслями о другом: была весна, оба были влюблены. «Я ходил по ювелирным, цветочным и книжным лавкам в поисках подарков для Нино. При виде нее мысли о войне, великом князе и нависшей над Полумесяцем угрозе оставляли меня» [12], – вспоминал Али.

Но вот выясняется, что его Величество Султан Великой Османской Империи Мехмед Рашид решил объявить войну неверным, его войска движутся, чтобы освободить мусульман от русского и английского ига, и стали говорить о священной войне. В сознании героя заканчивается процесс самопереориентации. С детства считая себя представителем европейской культуры, влюбленный в христианку, семья которой осознавала себя европейской, дружащий с армянином и желающий продолжать образование в Москве, Али Хан Ширваншир на протяжении всего романа, но особенно после вынужденного бегства в Тегеран, все больше проникается восточной, мусульманской, тюркской традицией и становится сторонником создания собственного мусульманского государства на своей земле. Заседание бакинских магнатов, на котором он присутствовал, закончило идеологическое воспитание героя. Теперь он точно знает, чего нужно добиваться, за что сражаться и, если нужно, погибать. «И чем больше ослабнут после войны великие державы, тем ближе мы будем находиться к свободе. Эта свобода будет результатом нашей неистраченной мощи, наших денег и нашей нефти» [13].

Процесс переосмысления событий войны нашел отражение и в романе П. Краснова «От двуглавого орла до красного знамени» (1921 г.). Главный герой романа-эпопеи – Александр Саблин – дворянин, гвардейский офицер, бегущий от политики и от всего того, что находится за пределами его профессиональных военных интересов, он аристократ армии и не желает втягиваться в политическое осмысление событий. Его глазами в основном и передаются события 1894–1921 гг. в России.

Вышедший в Берлине первый вариант романа-эпопеи А. Толстого «Хожение по мукам», – позднее, уже в России в 1928 г., в сильно отредактированном виде он был превращен в роман «Сестры», ставший первой частью трилогии, – представляет собой произведение небольшое по объему, но четко отразившее отношение автора в то время к войне.

Эти романы объединяет стремление разобраться в том, что происходит. Герои спорят о войне, смысле и сути патриотизма, о родине, о народе и его отношении к войне. В берлинской редакции романа можно найти споры о ведении войны до победного конца (полковник Солнцев – статья Арнольдова), о смысле понятия родина (Телегин – Рошин), рассуждения о стремлении народа к войне, о полном равнодушии к причинам и целям этого события: «На-

селение городов, пресыщенное и расхлябанное обезображенной нечистой жизнью, словно очнулось от душевного сна. В грохоте пушек был освежающий голос мировой грозы. Стало казаться, что прежняя жизнь невыносима далее. Население со злорадной яростью приветствовало войну. В деревнях много не спрашивали – с кем война и за что, – не все ли было равно» [14].

В стремлении оградить себя от решения многих философских и политических вопросов герой П. Краснова постоянно натывается на неприятие этой действительности, спорит с ней: преданность императору и императрице оборачивается для него потерей сына («Сын его Коля с изуродованным туловищем и оторванной головой, исковерканный до неузнаваемости стаканом шрапнели, валялся в луже дымящейся крови в двух шагах позади него» [15]) и жены (после надругательства над ней Распутина она отравилась): «В нем убили царя и семью». Воскрешение героя связано с образом отца Василия, читавшего ему, выздоравливавшему после тяжелого ранения, «Заповеди Христовы», однако отчуждение от людей и родного Петрограда не проходит.

Душевные искания Али наполнены сомнениями в том, что есть его родина: вся Россия, Баку или мусульманский мир. Срочно возвращаясь с отдыха в Баку после объявления войны, герой был одержим порывом отправиться на войну («Война – какое же это прекрасное слово, мужественное и сильное, словно удар копья» [16]), но постепенно приходит осознание своей принадлежности восточному миру: «Какое мне дело до остального мира за этими горами? До этих европейцев с их войнами, городами, царями, кайзерами и королями?.. Пусть поезд мчится на Запад. Мое сердце и душа принадлежат Востоку» [17].

Изображение натуралистических подробностей войны в романе П. Краснова и жестоких ее последствий в романе М. Осоргина (судьба Обрубка Стольников, которому оторвало и ноги, и руки на войне) служит развенчанию кумиров и идеалов героев, но для автора «Али и Нино» подчеркнутая жестокость войны усиливает в сердце героя ненависть к людям, совсем недавно бывшим ему друзьями: «Под моим ударом раскололся череп какого-то русского солдата. Мозг брызнул наружу, смешиваясь с пылью. Я, спотыкаясь, шел на врага и краем глаза заметил, как Арслан Ага вонзает кинжал в глаз неприятеля... Мы лежали за углом, беспорядочно обстреливая армянские дома» [18].

Изображение политических сил, направляющих течение войны, представлено в романе Курбана Саида собранием нефтяных магнатов и политиков, выражающих волю крупного капитала. Один из них – Фатали Хан Хойский, лицо историческое (впоследствии, в 1918 г., он возглавил Азербайджанскую республику) – представлен как идеолог, провозгласивший политику выживания, устраивающую всех. Как и в романе «Ключ» М. Алданова через отношение к войне показаны основные политические силы эпохи. Диаметрально противоположные оценки перспектив войны высказывали представители либерально настроенной интеллигенции. Адвокат Кременецкий, лидер партии

Горенский, выступали сторонниками войны до полной победы; в необходимости мира, общего, сепаратного, «какого угодно», убежден имевший репутацию крайнего реакционера глава департамента полиции Федосьев. По мнению автора, есть события, и мировая война относится к таковым, достижение которых лежит за пределами человеческих возможностей, искать их смысл – значит увеличивать бессмысленность.

Получается, что по своей структуре и идейному замыслу роман «Али и Нино» сильнее всего включен в контекст русской военной прозы, созданной в эмиграции и затронувшей проблемы становления героя, переосмысления им прежних ценностей, расстановку политических сил. Органично эти вопросы переплетаются с любовной линией, сближающей этот роман с «Хождением по мукам» А. Толстого, «Сивцевым вражком» М. Осоргина, «От Двуглавого орла к красному знамени» П. Краснова.

По своей художественной форме «Али и Нино» вполне уместно поставить в контекст романов М. Агеева «Роман с кокаином» и Б. Зайцева «Золотой узор». Всех их объединяет стиль дневниковой прозы с особым акцентом на передачу тонких переживаний героев. Вадима Масленникова из «Романа с кокаином» и Наталью Николаевну из «Золотого узора» отличает непостижимое равнодушие к внешней жизни и ревностное оберегание своей внутренней жизни от посягательств на нее извне. Поэтому события войны доносятся до читателя сильно опосредованным и невнимательным взглядом героев. Гимназист Вадим смутно вспоминает молебен в актовом зале гимназии, сбивчивые суждения товарищей о ненужности войны: о том, что она никому не нужна, что она губительна и прибыльна только генералам и интендантам, что духовенство всего мира, исходя из принципов христианства, должно бороться против ведения войны, – один из его товарищей за эти разговоры лишился золотой медали.

Наталья Николаевна – певица, увлеченная концертами и литературными клубами. Весть о войне застала ее в Риме, и она тотчас отправилась домой, по пути невольно отмечая перемены внешние: «Навстречу шла Россия – поезда с солдатами, гармоники, хохот и плач на вокзалах, погоны, лошади, орудия, лафеты, белые вагоны санитарные, хмурые облака, бездомный ветер» [19]. В оценке войны в романе «Золотой узор» довольно отчетливо проступает общая славянофильская ориентация писателя – православно-патриотическое восприятие конфликта, поэтому известная оппозиция «война / мир» преломляется у Б. Зайцева в оппозицию «Россия / Италия». Для Али Шинваршира эта оппозиция заключена в противостоянии «Запад / Восток». Недаром уже в первой главе профессор географии Санин высказывает разные точки зрения на географическое положение Баку: «Некоторые ученые относят южные склоны Кавказских гор к Азии, другие же полагают, что страну следует рассматривать как часть Европы, учитывая культурное развитие Закавказья. Поэтому, дети мои, можно сказать, что отчасти и вы ответ-

ственно за то, будет ли наша страна принадлежать к прогрессивной Европе или реакционной Азии» [20]. Эти слова служат своеобразным ключом к пониманию идейного замысла романа и направления развития личности героя. Взгляд Али Шинваршира близок позиции героев М. Агеева и Б. Зайцева: он также занят переживаниями своего сердца, но постепенно в нем происходит движение от личного к общественному – на фоне русско-европейской переориентации азербайджанского общества, нуждающегося в прогрессивно мыслящих гражданах.

Таким образом, очевидно, что опубликованный в 1930-е гг. на немецком языке в Европе роман российского эмигранта о проблемах современного ему азербайджанского общества должен обладать довольно широким художественным контекстом, не только литературным, но и фольклорным [21], не только европейским, но и азиатским. Сопоставление «Али и Нино» с военной прозой русской эмиграции дало возможность увидеть и более близкие сходения: роман создан в русле классической традиции и соединяет в себе многие жанровые формы русского романа – любовный, авантюрный, философский, психологический и роман воспитания.

Примечания

[1] В энциклопедическом словаре «Азербайджан: 100 вопросов и ответов» (Баку, 2008) автор романа называется «одним из видных представителей азербайджанской эмигрантской литературы XX века» (стр.106), а имя его стоит в одном ряду с Низами, М. Физули, С. Вургуном, Ч. Абдуллаевым.

[2] *Фейзуллаева А.* Азербайджанские писатели в России. Роль контактных связей в историческом развитии национальной литературы. Баку. 2006. С. 225.

[3] Там же. С. 224.

[4] *Race T.* The Orientalist: Solving the mystery of a strange and dangerous life. N.Y.: Random House, 2005. 297 p.

[5] *Курбан Саид.* Али и Нино. Баку: Ганун, 2010. С. 99.

[6] *Толстой А.* Хождение по мукам. Ч. 1. Берлин; Москва, 1922. С. 175.

[7] *Курбан Саид.* С. 91.

[8] Там же. С. 189.

[9] Там же. С. 111.

[10] *Зайцев Б.* Золотой узор: романы, повести. М.: Эксмо, 2010. С. 225.

[11] *Агеев М.* Роман с кокаином. М.: Издательский Дом Мещерякова, 2007. С. 39.

- [12] *Курбан Саид*. С. 190.
- [13] Там же. С. 196.
- [14] *Толстой А.* С. 175.
- [15] *Краснов П.* От Двуглавого орла до красного знамени. 1894–1921: В 4 т. Берлин, 1921. С. 163.
- [16] *Курбан Саид*. С. 103.
- [17] Там же.
- [18] Там же. С. 379.
- [19] *Зайцев Б.* С. 195.
- [20] *Курбан Саид*. С. 5–6.
- [21] См.: *Фейзуллаева А.* С. 229.

Сведения об авторе:
Вера Владимировна Сорокина,
докт. филол. наук
старший научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Vera Sorokina,
Doctor of Philology
Senior Researcher
Philological Faculty
Moscow State Lomonosov University